

Внешнеполитические интересы и ценности Исламской Республики Иран в национальных документах стратегического планирования: ретроспектива и современность

И. Д. Баскаков

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
ilya_baskakov00@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные документы долго- и среднесрочного стратегического планирования, принятые в Исламской Республике Иран, определяющие общие направления и задачи внешней политики данного государства на современном этапе. Цели внешнеполитического курса Ирана и взгляд на мировую политику, излагаемые в документах, изучаются в контексте конкретно-исторических условий разработки и принятия документов. Определяются ключевые внешнеполитические интересы и ценности, постулируемые в документах стратегического планирования Ирана. Выявляется триада документов стратегического планирования Исламской Республики Иран, существовавшая в 2019–2025 годах, включавшая Стратегию 20-летнего развития страны, программное заявление «Второй шаг революции» и план пятилетнего развития. Проводится сравнительный анализ документов триады по вопросам их характера, устанавливаемых задач, региональных приоритетов, ценностных оснований внешнеполитического курса и т. п. Ориентиры, обозначенные в документах, имеют критическое значение как для трактовки внешней политики Ирана в предшествовавшие годы, так и на текущем этапе и в перспективе.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, стратегическое планирование, интересы, ценности, Юго-Западная Азия, экономика, цивилизация

Для цитирования: Баскаков И. Д. Внешнеполитические интересы и ценности Исламской Республики Иран в национальных документах стратегического планирования: ретроспектива и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 56–64.

Original article

Foreign Policy Interests and Values in National Strategic Documents of the Islamic Republic of Iran: Retrospective Review and Current State

Ilya D. Baskakov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ilya_baskakov00@mail.ru*

Abstract. The research is aimed at analyzing the main documents of long- and medium-term strategic planning adopted in the Islamic Republic of Iran and setting the general directions and objectives of the foreign policy of this state at the present stage. The goals of Iran's foreign policy course and its view of world politics, as set forth in the documents, are studied in the context of specific historical conditions of the documents' formulation and adoption. The key foreign policy interests and values denoted in Iran's strategic planning documents are identified. The triad of strategic planning documents of the Islamic Republic of Iran that existed in 2019–2025 is identified, which

included the Twenty-Year Development Strategy of the country, the “Second Step of the Revolution” policy statement, and the Five-Year Development Plan. A comparative analysis of the documents of the triad is carried out in terms of their nature, tasks set, regional priorities, value foundations of the foreign policy course, etc. The benchmarks outlined in the documents play a role both for the interpretation of Iran’s foreign policy in the previous years and at the current stage and in the future.

Keywords: Iran, foreign policy, strategic planning, interests, values, Southwest Asia, economy, civilization

For citation: Baskakov, I. D. (2025). Foreign Policy Interests and Values in National Strategic Documents of the Islamic Republic of Iran: Retrospective Review and Current State. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 56–64. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеполитический процесс любого государства реализуется в условиях перманентных изменений как внутри политической системы данного субъекта, так и в окружающей его международной среде. Происходит смена лиц, занимающих руководящие посты, а вместе с ними и постулируемых образов желаемого будущего и путей его достижения, меняется законодательная база, ожидания электората. Вместе с тем происходит изменение международной обстановки на региональном и глобальном уровнях, устанавливаются новые политико-экономические константы развития. Для того чтобы государство могло успешно выдерживать испытания внутренних и внешних перманентных изменений, государственный аппарат должен быть способен фокусировать внимание на определенных целях развития, одновременно обеспечивая адаптивность всей системы государственных институтов. Стратегическое планирование является тем инструментом, с помощью которого государство способно вырабатывать общую картину собственного восприятия, образа желаемого будущего и путей его достижения.

Современная система внешнеполитического планирования Исламской Республики Иран (ИРИ) была оформлена в 1989 году после прихода к власти нового духовного лидера страны Али Хаменеи и принятия поправок к конституции [Краснов, 2012]. Эти процессы подвели черту под ранним постреволюционным этапом иранской внешней политики, связанным с «исламским интернационализмом» и активной исламизацией [Юртаев, 2018]. Несмотря на то, что внешнеполитический процесс в Иране во многом цементируется формальным верховенством духовного лидера при принятии решений, на выработку образа желаемого будущего значительное влияние оказывают самые разнообразные игроки. После транзита власти от Р. Хомейни к А. Хаменеи более заметную роль в выражении предпочтительных путей развития государства стал играть президент. После 1989 года лиц, занимавших пост президента

Ирана, можно условно отнести к представителям реформаторского, а также умеренного толка, с одной стороны, А. А. Хашеми-Рафсанджани, М. Хатами, Х. Роухани, М. Пезешкиан, или принципалистского, с другой – М. Ахмадинежад, Э. Раиси. Даже в условиях разделения всеми системными политиками общей идеологии и фундаментального направления курса Исламской Республики можно отметить определенные дрейфы во внешней политике Тегерана, что возвращает нас к важности фактора стратегического планирования.

Сравнительный анализ документов стратегического планирования в их историческом развитии позволяет выявить коренные черты, присущие стратегической культуре различных государств. Так, например, отмечается, что Стратегии национальной безопасности США, претерпевая эволюцию по отдельным направлениям, сохраняют фундаментальную приверженность духу *Rex Americana* [Каширина, 2023]. Кроме того, документы стратегического планирования, подлежащие официальной публикации, важны с точки зрения репрезентации внешнеполитического образа страны для мировой общественности. В случае КНР, например, этому образу свойственны стремление к глобальному лидерству, а процветание Китая в документах связывается с благополучием всего мира [Кожухова, 2023]. Таким образом, анализ документов стратегического планирования Ирана важен с точки зрения выявления различных аспектов внешнеполитического целеполагания и позиционирования ИРИ.

СТРАТЕГИЯ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ ИРАНА ДО 2025 ГОДА

Первым многоотраслевым документом долгосрочного стратегического планирования, принятым в Иране в XXI веке, стала Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года¹ (далее Стратегия; *перс.*

¹Санад-е чешмандаз-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-е 1404 = Видение Исламской Республики Иран на перспективу 2025 года. URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9034> (дата обращения: 07.06.2025).

санад-э чешмандаз-э Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар офог-э 1404). Документ принят в ноябре 2003 года. Стратегия принималась в условиях краха политики относительной либерализации страны, проводимой на рубеже веков при президенте М. Хатами. Либерализация была направлена на полноценную интеграцию Ирана в глобальные финансово-экономические процессы и на снижение военно-политической напряженности в отношениях между Ираном и западными странами во главе с США.

В то время как экономическая сторона проекта М. Хатами возымела успех, что выражалось в интенсивном притоке иностранных инвестиций в Иран [Мамедова, 2016, с. 202], на политическом фронте обозначилось усугубление обстановки вокруг государства. В октябре 2001 года США и их союзники начали военную операцию в Афганистане. В январе 2002 года президент США Дж. Буш-мл. наряду с Ираком и КНДР причислил Иран к так называемой оси зла¹. В марте 2003 года США и их союзники вторглись в Ирак с целью свержения режима С. Хусейна. Несмотря на непростые отношения с талибами и с Хусейном, расширение военного присутствия внерегиональных сил в двух пограничных с Ираном странах оказало влияние на стратегическое мышление иранских элит. Рост присутствия недружественных западных акторов по периметру обозначал потребность в более развитой системе слаженной защиты государства.

Кардинально меняющаяся региональная и международная ситуация послужила фоном для разработки и принятия Стратегии – документа, который часто именуется в официальных выступлениях руководства страны и в СМИ как «Чешмандаз» [Полищук, 2007]. Данный документ принимался в период второго срока президента М. Хатами, однако датой отсчета начала его реализации стал 2005 год. Поэтому он скорее отразил задачи, стоящие перед последующими президентскими администрациями. Важнейшая задача, поставленная перед руководством Ирана, – достижение статуса развитой страны, занимающей первое место в сферах экономики, науки и технологий в регионе. Другими словами, приоритетом для национального развития определялся именно научно-технический прогресс. Регионом, в котором должен лидировать Иран в данных областях, указана Юго-Западная Азия (включающая Центральную Азию, Закавказье, Ближний Восток и пограничные страны), т. е. данный макрорегион мыслился для иранского руководства как целостный

конструкт, где должны быть сосредоточены иранские интересы.

Безопасность страны, согласно Стратегии, должна была обеспечивать «защитная система, основанная на всеобъемлющем сдерживании, и единство народа и правительства». В международных отношениях Иран должен ориентироваться на «конструктивное и эффективное взаимодействие с миром на основе принципов чести, мудрости и целесообразности». Отдельно отмечается панисламское измерение внешней политики Ирана, констатируется, что ИРИ должна быть «вдохновляющей, активной и успешной в исламском мире», играть роль в «общеисламском и региональном сближении».

Ценностной основой для развития Ирана в течение следующих 20 лет выступали моральные принципы и синтез «исламских, национальных и революционных ценностей». Достаточно важным представляется обратить внимание на упоминание ценностей «религиозной демократии, социальной справедливости, дозволенных шариатом свобод, защиты чести и прав человека». В тексте дважды упоминается идеологема «религиозной демократии», являющаяся одной из центральных в концептуальном осмыслении политического развития Исламской Республики Иран; данную концепцию активно развивает духовный лидер страны А. Хаме-неи², особый акцент на нее в период своего президентства делал и М. Хатами³. Упомянув вклад Ирана в дело консолидации исламского мира, ценностной основой роли ИРИ в этом процессе, согласно Стратегии, должны быть «исламские учения и взгляды имама Хомейни».

Стоит отметить, что, несмотря на эскалацию военно-политической напряженности на Ближнем Востоке (в частности, в Афганистане и Ираке), которая предшествовала принятию Стратегии, в документе не акцентировалось внимание на каком-либо «конституирующем другом», будь то США или Израиль.

ВТОРОЙ ШАГ РЕВОЛЮЦИИ

Следующий долгосрочный документ стратегического планирования датируется 2019 годом. В период между 2003 и 2019 годами значительно изменилась международная и региональная обстановка, а также статус самого Ирана. Военно-политическое присутствие враждебных Ирану внерегиональных сил сохранялось и набирало обороты, к театрам

¹Text of President Bush's 2002 State of the Union Address. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/onpolitics/transcripts/sou012902.htm> (дата обращения: 07.06.2025).

²Religious Democracy: An Introduction.

URL: <https://english.khamenei.ir/news/7930/Religious-Democracy-An-Introduction> (дата обращения: 07.06.2025).

³Khatami: The Reformist (1997–2005). URL: <https://iranwire.com/en/features/64584/> (дата обращения: 07.06.2025).

военных действий в Ираке и Афганистане добавились события в Сирии. Одновременно с этим Ирану удалось укрепить собственный потенциал посредством расширения числа его прокси-сил, в частности Ирану удалось извлечь значимые дивиденды на иракском направлении. Политический ландшафт Ближнего Востока подвергся трансформации в результате «арабской весны», истолкованной в период ее развертывания руководством ИРИ через оригинальную концепцию «исламского пробуждения» в рамках общей идейно-ценностной парадигмы государства [Баранов, 2014]. Надежды Ирана на благоприятный ход процессов «арабской весны» в регионе наиболее сильно были подорваны после событий в Сирии, где угроза падения союзного правительства требовала от Тегерана концентрации значительных усилий. В это же время усугублялась конфронтация Ирана с Израилем, включавшая все новые сферы противоборства.

Непосредственно перед принятием нового документа иранские элиты оказались под давлением как внутренних, так и внешних факторов. Основной внешний фактор, ударивший по стабильности Ирана, был связан с приходом к власти в США Д. Трампа, который перешел к политике «максимального давления» на Тегеран, вышел в 2018 году из «ядерной сделки», фактически развязал экономическую войну против Ирана. Надежды руководства Ирана на то, что другая составляющая Запада – Европа – сможет предложить новые эффективные форматы взаимодействия в изменившихся условиях, не оправдались, и элита ИРИ увидела в этом зависимость европейских стран как игроков на мировой арене [Мамедова, 2021]. Это обозначало обновления в стратегическом мышлении властей Ирана в виде необходимости концентрации внешнеполитических усилий Ирана на западном треке.

Изнутри исламский режим в 2018–2019 годах «подтачивали» протестные акции и выступления, вызванные ухудшением социально-экономической ситуации в стране и ошибками в управлении. В глазах общественности ослабили позиции либеральных сил, зато окрепла консервативная часть истеблишмента. В условиях нарастания внешних вызовов «консервативный лагерь открыто призывал к выходу из СВПД, даже поднимал вопрос о возможном прекращении участия ИРИ в ДНЯО, призывал к расширению атомной и ракетной программ, к укреплению позиций Ирана в регионе» [Дунаева, Сажин, 2020, с. 16–17].

На фоне кризисной атмосферы в стране в феврале 2019 года, к сорокалетию юбилею Исламской революции 1979 года, духовный лидер Ирана А. Хаменеи выступил с программным заявлением

«Второй шаг революции» (*перс.* Гам-э довом-э энге-лаб)¹. А. Хаменеи определил 2019 год как поворотный в развитии государства, которое должно было перейти ко второму этапу осуществления идей революции. «Второй шаг революции» определяет ориентиры для политики Ирана на ближайшие 40 лет. Основным адресатом программного заявления стала иранская молодежь, которой в перспективе суждено реализовывать курс страны.

В отличие от Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года, «Второй шаг революции» уделяет основное внимание ценностям, фактически не освещая интересы Ирана. Второй этап развития Ирана включает три комплексные задачи – «само-совершенствование, общественный прогресс и цивилизационное строительство». Самосовершенствование и курс на обеспечение общественного прогресса являются логичным следствием революционной природы иранской государственности. Под задачей цивилизационного строительства понимается движение к созданию «новой исламской цивилизации». При этом с учетом того, что руководство Ирана рассматривает научные, культурные, политические и другие достижения ИРИ как базис для формирования «новой исламской цивилизации» [Хоррамшад, 2013], Иран одновременно реализует два взаимосвязанных цивилизационных проекта. Первый подразумевает укрепление основ ирано-исламской цивилизации, второй – курс на сплочение исламской уммы под эгидой Ирана на пути к созданию «новой исламской цивилизации». Иран, являясь, как полагают российские исследователи, государством-цивилизацией [Наумкин, 2020], одновременно акцентирует внимание на своем богатом культурно-историческом наследии и обозначает значимость своего политического курса для будущего в мировом масштабе. Происходит увязка курса на национальное развитие и амбиций Ирана, на обладание глобальной ролью на международной арене.

Говоря о документах стратегического планирования Ирана и траекториях национального развития, следует отметить документ под названием «Ирано-исламская модель прогресса». Проект данного документа в 2018 году был представлен духовным лидером ИРИ руководящим лицам и научным подразделениям для ознакомления, доработки и его принятия в течение двух лет. Однако судьба документа остается неопределенной: процесс принятия последней редакции значительно

¹Байанийе-йе «Гам-е довом-е энге-лаб» хетаб бе мелат-е Иран = Программное заявление «Второй шаг революции», обращенное к народу Ирана. URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (дата обращения: 07.06.2025).

затянулся¹, разработка его окончательной версии заморожена либо засекречена².

Возвращаясь к тексту заявления «Второй шаг революции», следует отметить, что в нем также упоминается «новая бинарная оппозиция “ислама и империализма”» как ключевое явление современного мира. Традиционно присутствует обращение к ценностям революции, духовности, нравственности, справедливости и борьбы с пороками. Основой для достижения амбициозных задач, согласно «Второму шагу революции», должны стать успешное развитие демократии в Иране, прогресс в науке и экономике. Касаясь экономики, отметим, что в тексте упоминаются принципы «мы можем» и реализация проекта «экономики сопротивления». К особенностям желательной экономики можно также отнести такие характеристики, как независимость от экспорта нефти и опора на экономику знаний.

В тексте вновь присутствует обращение к принципу «чести, мудрости и целесообразности». Из них в преломлении к международным отношениям вытекает идея акцентирования на защите чести нации, развитии международных связей, установлении «красных линий» в отношениях с врагом. Указывается, что на современном этапе на мировой арене наблюдается ряд важных явлений: «новая волна движения “исламского пробуждения” на основе модели сопротивления гегемонии» США и Израиля, крах политики США в регионе Западной Азии, поражение американских союзников в регионе, расширение политического присутствия Исламской Республики Иран в Западной Азии и его отражение «на всей мировой гегемонии».

Апеллирование к образам США и Израиля как «конституирующих других» традиционно для современной иранской внешней политики. Как отмечает В. И. Сажин, «после создания ИРИ на основе учения Хомейни была разработана военно-политическая доктрина Ирана, которая отвечает конституционно закреплённой главной цели политики клерикального руководства страны – объединению исламского мира по иранскому образцу, созданию под эгидой Ирана “мировой исламской общины – уммы”. В ней враги определены четко: США и Израиль» [Сажин, 2023, с. 153]. В документе руководство Ирана термин «Ближний Восток» заменяет термином «Западная Азия». Политическая элита Ирана подчеркивает,

что понятие «Ближний Восток» имеет европоцентричный подтекст, которого нет в понятии «Западная Азия», поэтому последнее и является предпочтительным [Баранов, 2014].

СЕДЬМОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Седьмой пятилетний план национального развития (*перс.* Барнамэ-йе панджсалэ-йе хафтом-э пишрафт)³ – еще один документ стратегического планирования, своим характером отличается от Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года и программного заявления «Второй шаг революции». Во-первых, что следует из названия, пятилетний план развития – документ среднесрочного стратегического планирования, имеющий регулярный характер. Наиболее актуальный Седьмой пятилетний план датируется 2023 годом, до этого пятилетние планы выпускались в 2017 (шестой), 2011 (пятый), 2005 (четвертый), 2000 (третий), 1995 (второй), 1989 (первый) годах. Во-вторых, пятилетний план развития имеет куда больший объем, чем Стратегия 20-летнего развития и «Второй шаг революции», освещает более значительный объем конкретных аспектов иранской внешней политики.

Ключевыми задачами внешней политики ИРИ, согласно Седьмому пятилетнему плану, являются реализация экономикоцентричного подхода к внешней политике и развитие отношений с дружественными региональными и глобальными странами (ст. 245). В документе постулируется готовность Ирана продолжать борьбу с империализмом и Израилем, защищать обездоленных и Палестину. Отмечается курс Ирана на усиление «оси сопротивления», поддержку панисламских процессов в мире.

Во внешней политике акцентируется внимание на развитие отношений со странами региона, соседними государствами и «новыми державами» (*перс.* годратха-йе ноузохур). Вероятно речь идет о комплексной Юго-Западной Азии (с учетом ст. 72). В тексте подчеркивается важность экономического фактора во внешней политике, отмечается направленность на укрепление потенциала национальной экономической дипломатии, на развитие экономики знаний. Обращается внимание на региональный аспект экономической активности Тегерана, который сосредоточен на странах-соседах, азиатских, африканских, латиноамериканских государствах, а также на «новых державах»

¹Сарневешт-э нама'лум-э Олгу-йе ислами-ирани-йе пишрафт = Неопределенная судьба Ирано-исламской модели прогресса. URL: <https://www.sharghdaily.com/يادداشت-65/888429-معلوم-سر-نوشت-پيشرفت-ایرانی-اسلامی-الگوی-نا> (дата обращения: 07.06.2025).

²В этой связи автор полагает, что данный документ было бы некорректно рассматривать наравне с прочими документами стратегического планирования, представленными в исследовании, и чьи финальные версии опубликованы. Автор считает, что данный документ может быть рассмотрен отдельно в рамках другой статьи.

³Ганун-е барнамэ-йе панджчалэ-йе хафтом-е пишрафт-е Джомхури-йе Эслами-йе Иран (1403–1407) = Закон о Седьмом пятилетнем плане прогресса Исламской Республики Иран (2023–2028). URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/1809128> (дата обращения: 07.06.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН¹

Название документа	Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года (2003)	Программное заявление «Второй шаг революции» (2019)	Седьмой пятилетний план национального развития (2023)
Характер документа	Долгосрочный (20 лет), нерегулярный	Долгосрочный (40 лет), нерегулярный	Среднесрочный (5 лет), регулярный
Основная задача	Достижение статуса развитой страны, занимающей первое место в сферах экономики, науки и технологий в регионе	Самосовершенствование, общественный прогресс, цивилизационное строительство	Комплексное развитие страны по ряду направлений, включая социально-экономическую, культурную, информационную, научную сферы, области национальной безопасности и внешней политики
Основная внешнеполитическая задача	Конструктивное и эффективное взаимодействие с миром	[Отстаивание] чести нации, [развитие] международных связей, [защита] красных линий в отношениях с врагом (перс. эззат-э мелли, равабет-е хареджи, марзбанди ба дошман)	Экономикоцентричный подход к внешней политике. Развитие отношений с дружественными странами на региональном и глобальном уровнях.
Трактовка приоритетного региона	Юго-Западная Азия	Западная Азия	Юго-Западная Азия
Соотношение интересов и ценностей (в тексте)	Относительное превалирование ценностей над интересами	Абсолютное превалирование ценностей над интересами	Превалирование интересов над ценностями
Упоминание триединого принципа – честь, мудрость – и целесообразность»	Присутствует	Присутствует	Отсутствует
«Конституирующий Другой» среди государств в тексте	Отсутствует	США Израиль	Израиль

¹Источник: составлено автором на основе обозначенных документов.

и международных организациях, включая ШОС. Такая расстановка региональных приоритетов логична, учитывая сделанную кабинетом Э. Раиси ставку на отношения с соседями и основными центрами силы в Азии в многополярном мире.

Ирану также отводится задача участия в решении глобальных проблем, включая проблематику прав человека, разоружения, защиты окружающей среды, поддержку развития мирных ядерных программ, снятия «незаконных санкций», урегулирования региональных кризисов и конфликтов, борьбы с экстремизмом, терроризмом. Отмечается необходимость популяризации Исламской революции среди угнетенных мира.

В тексте Седьмого пятилетнего плана развития также указана потребность в защите прав и идентичности иранцев за рубежом, привлечение их к участию в развитии государства. Отдельный

пункт рассматривает необходимость использования традиционных и новых инструментов дипломатии, а также СМИ для осведомления мирового сообщества о взглядах и достижениях Ирана. Текст документа апеллирует к ценностям панисламизма, указывает на поддержку процессов сближения конфессий и мазхабов, противостояние заговорам врагов исламского мира.

Статьи 246–250 посвящены более частным аспектам внешнеполитической деятельности Ирана, включая использование экономической дипломатии, развитие логистических связей, научно-технического, энергетического сотрудничества и т. д., а также роли различных государственных учреждений в данных вопросах.

Сравнительный анализ внешнеполитических аспектов в документах стратегического

планирования Исламской Республики Иран приводится в таблице.

В Иране стратегии общей политики¹ создаются и принимаются по решению духовного лидера. Содержание стратегий разрабатывает Ассамблея по определению государственной целесообразности, которая затем передает документ духовному лидеру для утверждения, перед которым он также может внести в стратегию доработки. Как указывает С.Е. Вылцан, «нормы принятых стратегий в целом носят неконкретный характер», документы могут быть содержать в себе как абстрактные цели, так и конкретные задачи [Вылцан, 2024, с. 47]. Во внешней политике речь обычно идет об абстрактных целях. По иерархии правовых документов в Иране стратегии находятся выше законов, принимаемых парламентом. За реализацией стратегий ведется надзор, однако юридическая ответственность за неисполнение отсутствует, и, как полагается, ее заменяет политическая ответственность (к примеру, смена лица, занимающего определенный высший должностной пост). Говоря отдельно о пятилетних планах развития, первые два из них были директивными, однако последующие уже «имели полудирективный и / или индикативный характер и не были реализованы полностью» [Богачева, 2024, с. 41].

Можно констатировать, что три рассмотренные документа стратегического планирования образуют каркас иранской внешней политики. Стратегия 20-летнего развития Ирана до 2025 года указывает долгосрочные интересы Тегерана, программное заявление «Второй шаг революции» дополняет его ценностной оболочкой. Седьмой пятилетний план национального развития, в свою очередь, основываясь на первых двух долгосрочных документах, описывает более обозримые среднесрочные ориентиры Ирана во внешней политике. При этом в силу общей направленности внешнеполитического процесса в Иране идеологизированность свойственна всем трем документам.

«Второй шаг революции» и Седьмой пятилетний план национального развития используют образы США и Израиля как «конституирующих других», вокруг противостояния с которыми происходит развитие иранской внешней политики. При этом для Ирана Израиль есть производное американской внешней политики на Ближнем Востоке, ее инструмент, что увязывает оба государства в единый образ.

Важным вопросом является связка между понятиями социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны в документах

стратегического планирования. В России, к примеру, эта взаимосвязь постулируется в Стратегии национальной безопасности 2021 года, однако отмечается потребность в разработке отдельного документа, увязывающего оба концепта [Белозёров, 2021]. Следует отметить, что два наиболее долгосрочных документа стратегического планирования внешней политики Ирана в своих оригинальных наименованиях отходят от деления на концепты «развития» и «безопасности». «Видение Исламской Республики Иран на перспективу 2025 года»² и «Второй шаг революции» в своих названиях делают акцент на картине отдаленного будущего, места Ирана и идеалов Исламской революции в ней.

В своем предисловии Седьмой пятилетний план, вышедший в 2023 году, ссылается на Стратегию 20-летнего развития до 2025 года и на «Второй шаг революции» – три документа образовали своеобразную «триаду», определяющую контуры стратегического планирования иранской внешней политики. Эта триада полноценно действовала с 2019 по 2025 год, от момента объявления «Второго шага революции» и вплоть до окончания сроков планирования 20-летней Стратегии, т. е. до 2028 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом взаимодополняющего характера документов и их связанности, можно говорить о новом рубеже стратегического планирования внешней политики в Иране. Вместе с тем окончание сроков действия Стратегии 20-летнего развития указывает на вероятную реконфигурацию системы стратегического планирования внешней политики.

Важным представляется и присутствующий в документах акцент на двух международных регионах – Западной и Юго-Западной Азии. Западная Азия выступает как синоним для региона Ближнего Востока. В свою очередь, Юго-Западная Азия, чьи границы обозначены в Стратегии 20-летнего развития Ирана до 2025 года, можно рассматривать как мегарегион, включающий и Ближний Восток (Западную Азию). Таким образом, Западная и Юго-Западная Азия – двухуровневая конструкция в иранском внешнеполитическом целеполагании, где сосредоточены основные стратегические интересы государства. Из наименования данных регионов иранским руководством следует, что ИРИ рассматривается в первую очередь как государство «широкой» Азии, с подъемом которой связывают будущее политики и экономики в XXI веке.

¹К их числу относятся рассмотренные выше «Стратегия 20-летнего развития» и «Седьмой пятилетний план».

²Дословный перевод Стратегии 20-летнего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснов К. Процесс принятия внешнеполитических решений в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. 2012. № 5. С. 146–152.
2. Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
3. Каширина Т. В. Стратегии национальной безопасности США об отношениях с Россией (1994–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 71–79.
4. Кожухова К. Е. Репрезентация внешнеполитического образа страны в доктринальных документах Китайской Народной Республики (на примере Белых книг) // Власть. 2023. Т. 31. № 4. С. 185–196.
5. Мамедова Н. М. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века: основные тенденции и перспективы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 201–215.
6. Полищук А. И. О «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.» и «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ» // Роль и место Ирана в регионе. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 178–189.
7. Баранов А. В. Концепция «исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память. 2014. Вып. 9. С. 190–204.
8. Мамедова Н. М. Иран в условиях американских санкций и коронавируса // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 185–198.
9. Дунаева Е. В., Сажин В. И. Исламская республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 12–20.
10. Хоррамшад М. Б. Исламская революция, исламское пробуждение и новая исламская цивилизация // Культурная стратегия. 2013. Т. 6. № 23. С. 127–154. (Перс.)
11. Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.
12. Сажин В. И. Теория, политика и практика иранского антисионизма // Восточная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 147–158.
13. Вылцан С. Е. Правовое регулирование стратегического планирования в Исламской Республике Иран // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 46–49.
14. Богачева А. С. Иранская модель развития: концепция государства и общества, кризисы и проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2024. № 2. С. 39–50.
15. Белозёров В. К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смысла к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 20–35.

REFERENCES

1. Krasnov, K. (2012). The process of making foreign policy decisions in the Islamic Republic of Iran. Russia and the Muslim World, 5, 146–152. (In Russ.)
2. Yurtaev, V. I. (2018). Islamizaciia kak faktor vneshnej politiki Irana = Islamization as a factor in Iran's foreign policy. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
3. Kashirina, T. V. (2023) US National Security Strategies on Relations with Russia (1994–2022). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 71–79.
4. Kozhukhova, K. E. (2023). Representation of the country's foreign policy image in the doctrinal documents of the People's Republic of China (using the example of the White books). Power, 4, 185–196. (In Russ.)
5. Mamedova, N. M. (2016). Economicheskoe razvitie Irana vo vtorom desyatiletii XXI veka: osnovnye tendentsii i perspektivy = Economic development of Iran in the second decade of the 21st century: Main trends and prospects. In Iran vo vtorom desyatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy = Iran in the second decade of the 21st century: Challenges and prospects, 201–215. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Polishchuk, A. I. (2007). O "Perspektivah razvitiya IRI do 2025 g." i "Obshchih napravleniyah politiki 4-go pyatiletnego plana social'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya IRI" = About "Prospects for the development of Iran until 2025" and "General policy directions of the 4th five-year plan for socio-economic and cultural development

- of Iran". In Rol' i mesto Irana v regione = Role and place of Iran in the region, 178–189. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. Baranov, A. V. (2014). The concept of "Islamic awakening" of Ayatollah Ali Khamenei. History and Historical Memory, 9, 190–204. (In Russ.)
  8. Mamedova, N. M. (2021). Iran under American sanctions and coronavirus. Free Thought, 2, 185–198. (In Russ.)
  9. Dunayeva, E. V., Sazhin, V. I. (2020). The Islamic Republic of Iran in the face of new challenges. Asia and Africa Today, 5, 12–20. (In Russ.)
  10. Khorramshad, M. B. (2013). Islamic Revolution, Islamic Awakening and Modern Islamic Civilization. Culture Strategy, 6(23), 127–154. (Persian)
  11. Naumkin, V. V. (2020). The non-West model: Does a civilization-state exist? Polis. Political Studies, 4, 78–93. (In Russ.)
  12. Sazhin, V. I. (2023). Theory, policy, and practice of Iranian anti-Zionism. Eastern Analytics, 14(3), 147–158. (In Russ.)
  13. Vyltsan, S. E. (2024). The legal regulation of Strategic planning in the Islamic Republic of Iran. State power and local self-government, 2, 46–49. (In Russ.)
  14. Bogacheva, A. S. (2024). Iranian development model: state and society concept, crises and problems. World economy and international relations, 2, 39–50. (In Russ.)
  15. Belozero, V. K. (2021). The new National Security Strategy of the Russian Federation: from gaining meanings to implementation. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(843), 20–35. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баскаков Илья Дмитриевич

младший научный сотрудник

отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baskakov Ilya Dmitrievich

Junior research fellow

Department of the Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2025
26.07.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication